

© А. А. Ярлыкапов

**СНЫ ЭТНОГРАФА (ОПЫТ
АВТОЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Счет баранов перед сном

Я пришел в этнографию в силу определенного стечения обстоятельств. Дело в том, что мне посчастливилось учиться в университете в эпоху перемен – в 1990–1995 гг. Я поступил в Ростовский государственный университет как молодой человек из северокавказской автономии, и из меня собирались ковать государственный кадр, который для этого должен был постичь все премудрости марксистско-ленинского учения и теорию Советского государства. Первый год обучения именно так и было: я учился в негласно "элитной" первой группе потока и должен был изучить энное количество дополнительных предметов партийной направленности. Однако вскоре случились путч и последующая смена власти. Государства, которое нас целенаправленно пестовало для себя, более не существовало, и партия, бывшая его рулевым, была разогнана. На наши молодые и еще не окрепшие плечи неожиданно свалилась безмерная свобода.

Самой ответственной, безусловно, стала свобода выбора. Я, будучи внуком известного в Ногайской степи муллы, давно проявлял интерес к исследованию религии вообще и ислама в частности. Прочитав несколько книг, посвященных исследованию бытования религии у мусульманских народов СССР, я решил, что надо так же, как и их авторы, исследовать доисламские верования и культуры. Такова была моя самая первая специализация.

Конечно, исследуя доисламские верования, я неизбежно пришел к выводу, что их нельзя рассматривать в отрыве от более широкого – исламского контекста, поскольку они не существовали как нечто самостоятельное. Доисламские верования уже на протяжении многих веков были частью исламских представлений, и люди их таковыми и воспринимали. Иначе и быть не могло: разве могли мусульмане признаться, что они верят в нечто, что является наследием других, более ранних времен, когда их предки еще не знали ислама. И я стал все теснее общаться со своим дедушкой, хотя и прежде любил с ним беседовать. Он еще в школьном возрасте дал мне образование на уровне *мектеба*¹: я знал арабский алфавит и цифры², умел читать Коран и знал основы мусульманского культа: помнил наизусть главные молитвы, а также порядок совершения повседневных обрядов. В то время я думал, что так же, как и дед, всю жизнь буду скрывать свои знания от властей, и лишь выйдя на пенсию, если к тому времени вообще останутся верующие, смогу помочь им, согласно религии предков, соединить узами брака их детей или похоронить стариков.

Свобода словно преобразила дедушку. Было удивительно смотреть, как у пожилого уже человека вдруг появилась энергия, которой позавидовали бы многие молодые люди. Он принялся за строительство мечети в центре Ногайской степи – с. Терекли-Мектеб: все время пропадал на стройке, а после возведения мечети занимался ее обустройством. К нему приходили сельчане всех возрастов, чтобы наверстать упущенное в советские годы и получить элементарные знания по исламу, а затем идти и проповедовать среди народа. Фактически он был последним муллой, умевшим читать книги на арабском, и, если бы в самом начале 1990-х годов не пала власть коммунистов, на нем прервалась бы живая традиция бытования ислама в Ногайской степи. Именно поэто-

Ахмет Аминович Ярлыкапов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

му он, не жалея сил, делился с учениками знаниями, поскольку хотел, чтобы эта традиция не прерывалась. Удивительным было и то, что он, несмотря на большую занятость, находил время лечить местных жителей с помощью молитв. Его лечебная практика основывалась на древней традиции и была уже описана мной в отдельной статье (Ярлыкапов 1999).

Я считаю все это профессиональной удачей – не каждому исследователю удастся наблюдать то или иное явление во время "крутых" перемен. Почему я об этом так подробно рассказываю? Потому что впечатления тех лет оказали на меня серьезное влияние. Уже в конце 1990-х – начале 2000-х годов я вновь их переживал, глубоко переосмысливал, снова и снова прокручивая в голове. Эта работа велась порой вне моего активного участия, просто мозг работал, приводя в движение какие-то свои глубинные механизмы. Работа эта велась даже тогда, когда я отдыхал. Сон, давая отдохнуть напряженно действовавшим днем участкам мозга, выражаясь футбольным термином, выпускал "на поле запасных игроков". Анализируя свои сны, я пришел к убеждению, что мозг человека во сне не отключается полностью, а продолжает вполне активную мыслительную деятельность. И на эту последнюю влияют порой совершенно невероятные факторы окружающего мира.

Данную мысль я хотел бы проиллюстрировать анализом собственных снов, на которые наложила глубокий отпечаток моя профессиональная деятельность. В первую очередь она отразилась на символике снов. Не меньшее влияние оказала, конечно, та культурная среда, в которой я вырос: ногайские обычаи, представления, верования и т.д.

Свою заметку я пишу в жанре автоэтнографии, который все еще кажется диковинным для отечественных этнографов. Взавшись за написание даже этого небольшого текста, я стал лучше понимать коллег: классические этнографические жанры предполагают погружение в иную среду, и ученый может несколько отстраненно рассуждать о том, что он наблюдает. Здесь же отстраниться не удастся: необходимо описывать интимные переживания и делать их достоянием коллег и не только их. Конечно, не каждый может на это пойти. То есть, хотя часть этических проблем и оказывается в автоэтнографии снятой (об этом см.: Соколовский 2000: 73), на их месте появляется масса других, не менее важных. Среди них – нежелание исследователя пустить других в свой мир, который у каждого полон глубоко личных переживаний. Безусловно, не все из них следует делать всеобщим достоянием. Поэтому я хочу заранее предупредить читателя, что лишь немного приоткрою завесу над своими снами и приведу лишь те примеры, которые считаю нужными проиллюстрировать.

Посмотрим сны

Сон первый. Увидев его, я даже не удержался и написал в записной книжке на листке, датированном 25 мая 1999 г.: "Вторник. Видел удивительный сон". Прежде чем описать его, я сделаю несколько предварительных замечаний. 1999 год был весьма насыщенным для меня. В мае у меня прошла предзащита кандидатской диссертации, а в июне должна была состояться защита. Работа была посвящена исламу у ногайцев, и я был, конечно, весь в этом материале. В тот период мой дед тяжело заболел. Я давно его не видел, и каждый раз, когда созванивался с родными в Дагестане, мне сообщали о тяжелом состоянии здоровья деда, но ни разу не говорили о том, что он безнадежен. Тем не менее какое-то чувство подсказывало мне, что дело близится к трагической развязке.

А снилось мне, что над бескрайней Ногайской степью раскинулось огромное воздушное здание прекрасной мечети с величественным золотым куполом. Он блестел и

переливался на солнце, а в воздухе распространялись звучные призывы *азана*³. Я приблизился к этому зданию и увидел небольшую пристройку к нему. В таких пристройках к мечетям обычно находятся кабинеты или комнаты отдыха имамов в перерывах между молитвами. Я вошел в пристройку и увидел деда, который жарил на плите *баурсаки* – поминальные пышки, и, не отрываясь от своего дела, обратился ко мне: "Ах-мет, давай быстрее, что же ты медлишь и не едешь ко мне? Давай, давай быстрее!"

Через какое-то время я съездил домой и повидался с дедушкой. Он действительно был очень плох и уже не мог разговаривать – объяснялся только жестами. Спустя несколько дней он покинул этот мир. А я снова вернулся к увиденному сну и понял, насколько он был насыщен символами. Воздушное здание прекрасной мечети – это символ возрожденной усилиями деда духовности на территории Ногайской степи. С одной стороны, то, что он жарил поминальные пышки, говорило о том, что он уже готовится к отходу в лучший мир. С другой стороны, имелось иное объяснение – то, что дед сделал для возрождения религии ногайцев, уже стало основой для спасения его души и сохранения его образа в памяти народа. Именно поэтому, мне кажется, он сам жарил поминальные пышки для себя. И, конечно, легко объяснимо то, что он меня торопил, – мне следовало успеть увидеться с ним до его кончины, и это отразилось в моем сне.

Сон второй. Он также связан с дедом и до сих пор остается для меня полным не только символизма, но и некоей мистики. Дело было осенью 2001 г. Я находился в г. Нальчике на очередном конгрессе этнологов и антропологов России. Я отправил супругу с полугодовалым ребенком к родителям в Дагестан и после окончания конгресса собирался заехать туда и забрать их с собой в Москву. Хочу особо отметить, что в тот период у меня не было никакой связи с ними.

Снилось мне, что мой сын заболел. И тут появился дедушка, и мы вместе стали предпринимать какие-то действия, чтобы вылечить ребенка. Я взял одежду сына и обменял ее на горсть монет неизвестного достоинства, после чего мальчик начал расти и превратился в подростка. Далее мы с дедушкой принялись совершать весьма любопытный обряд: он сел на грудь подростка, олицетворявшего его правнука, и стал, покачиваясь из стороны в сторону, читать *зикр* – особую формулу поминания имени Всевышнего. Повинуясь темпу, который был им задан, к зикру присоединился и я. Мы вместе читали зикр, и дед время от времени совершал особое действие, которое заключалось в том, что он дул с характерным звуком "суф", – прием, широко распространенный среди людей, лечащих традиционными способами. Мальчик рос на моих глазах и к концу зикра превратился в здорового и крепкого юношу.

Я проснулся в недоумении и тревоге за сына. Приехав в Дагестан, я узнал, что он действительно серьезно заболел, подхватив какую-то вирусную инфекцию, мучавшую в то время местную малышню. К моему приезду он уже выздоравливал, но был довольно слаб. Окончательно он поправился уже на моих глазах.

Описанный сон меня сильно потряс. Я понимал, что он отражал некую интуитивную связь, которая существует между родными людьми, когда те способны общаться, несмотря на большие расстояния, и обмениваться важной информацией. В частности, в этом сне я получил вполне конкретную информацию о болезни своего ребенка. Откровением для меня стало то, что деятельное участие в его излечении играл покойный дедушка. Возможно, большое значение имело то, что именно он дал имя моему ребенку, проведя даже целый обряд, который у ногайцев называется "открыванием книги".

Сон третий. Наконец, сон, смысл которого я разгадывал долгое время, но все-таки разгадал. Сколько снов такого рода остается без расшифровки, сказать трудно. Одно могу отметить на основе своего опыта – довольно много.

Снилось мне, что покойная бабушка пришла ко мне расстроенной. Мне даже показалось, что она чем-то возмущена. Однако она не сказала ни слова, а только привела

за руку сына моего старшего брата и показала мне его. Я во сне так же, как и бабушка, не раскрыл рта и проснулся несколько озадаченным. Было понятно, что она хотела сказать что-то очень важное, но что? Первой мыслью было то, что моему племяннику грозит какая-то опасность. Естественно, я предупредил родственников. Однако меня не покидало чувство, что это не объясняет ее возмущения.

Я нашел исчерпывающее для себя объяснение лишь через несколько месяцев в случайной беседе. Мама стала рассказывать о том, что ее мама (соответственно, моя бабушка) очень не хотела, чтобы ее именем называли правнучек. Мотивировала она это тем, что не хочет, чтобы ее имя "зря трепали". А когда у ее внучки родилась дочь, та на радостях решила дать ей бабушкино имя. Видимо, именно это и не понравилось последней, и она решила символически показать свое недовольство. Ведь сын моего старшего брата назван в честь своего прадеда, именно поэтому его и привела ко мне во сне бабушка, намекая на параллель со своей правнучкой. Но я все равно ее не понял; хорошо, что хоть моя мама вовремя узнала о намерении племянницы и отговорила ее от неуютного покойной бабушке шага.

Сон четвертый. Он несколько отличается от рассказанных выше. И все-таки достоин того, чтобы привести его. В отечественной этнографической науке с недавних пор идут серьезные споры об этнической идентичности. Однако реальность часто преподносит невероятные сюрпризы. Такой сюрприз я получил в конце октября 2005 г., когда вместе с коллегами – этнопсихологами из Института этнологии и антропологии и Московского государственного университета – участвовал в семинаре-тренинге по этнической толерантности в г. Кисловодске. У нас была весьма трудная задача – способствовать нормальному диалогу между осетинами и ингушами. Группы были набраны из интеллигенции, в основном школьных психологов, и даже при этом общение между двумя группами налаживалось с большим трудом. Я восхищался работой своих коллег и сам с головой ушел в этот увлекательный и благородный процесс. Душевное напряжение было колоссальным, участники тренинга порой делились самыми интимными переживаниями, и мы были втянуты в процесс сопереживания. И осетинские, и ингушские участники вспоминали то, что им пришлось пережить, откровенно делились своими настроениями. Это напряжение вскоре сказалось на мне.

Мне приснилось, что я – еврей, укрывшийся в синагоге. Она представляла собой здание с огромными, до потолка окнами, хрупкость которых я ощущал почти физически. Я также ощущал, что синагога со всех сторон окружена погромщиками, хотя и не видел их, поскольку находился в удалении от окон, в центре помещения. Это невыносимое ощущение угрозы, ожидания камней и звука разбивающегося вдребезги стекла, проникновения толп погромщиков, ощущение уязвимости и хрупкости собственного положения...

Проснувшись, я пытался понять, каким образом случилась столь кардинальная, хотя и всего лишь на время сна, смена идентичности. Конечно, непосредственное влияние оказали мои переживания на семинаре-тренинге. Однако не менее важными были и изменения, которые я наблюдал в обществе с 1990 г. Из полноценного советского гражданина я стал превращаться в представителя этнического меньшинства, которого из-за его внешности в Москве мог остановить милиционер и потребовать для проверки документы. В квартиру, купленную мной в подмосковном городе, в три часа ночи ворвались милиционеры, которых бдительные жители подъезда вызвали по случаю появления в их доме "не нашего" человека. Припомнился и случай в метро, когда на глазах у переполненного вагона группа молодых отмороzków безнаказанно избивала парня с "неправильной" внешностью. Меня, второго "инородца" в вагоне, они не тронули только потому, что я стоял у двери, и меня было неудобно незаметно окружить, чтобы затем, опираясь на поручни, избить ногами.

Тревожное состояние, скрытый страх за свою судьбу и судьбу семьи, вызвали в памяти события прошлых веков, когда в "цивилизованной" Европе случались еврейские погромы. Именно евреи в исторической ретроспективе прочно ассоциированы с уродливым явлением погромов, и эта ассоциация привела к тому, что в моем сне случилась такого рода смена идентичности. Я внезапно ощутил себя на месте еврея тех времен. Дай Бог, чтобы эта ассоциация осталась в глубинах подсознания и не воплотилась в действительность.

Возвращение в явь

Я написал "явь", хотя понимаю, что сон – это нечто особенное, являющееся продолжением яви. Каждый сон имеет свою основу, свой смысл, который порой скрыт за хитросплетениями символов. К сожалению, исследование снов остается чем-то маргинальным, имеющим отношение к развлечениям, хотя в традиционных культурах сны и их толкования занимают вполне достойное место.

Конечно, в традиционных толкованиях снов есть много надуманного, связанного с банальным параллелизмом, оппозициями и т.д. Однако исследование ночных видений может дать массу материала для антропологии как науки – от культурных основ конкретной личности до исследования мозговой деятельности.

Примечания

¹ Мектеб – начальная мусульманская школа, которая располагается обычно при мечети. Поскольку до 1991 г. в Ногайской степи не было ни одной мечети, то желающие получить образование просто приходили к мулле домой, и он их обучал здесь же. О том, что прежде в Ногайской степи было почетно их строить, говорят сохранившиеся названия многих ногайских аулов: Теркли-Мектеб, Тукуй-Мектеб, Махмуд-Мектеб и т.д.

² Несмотря на то что мы называем цифры, которыми пользуемся, "арабскими", настоящие арабские цифры несколько отличаются от них. Эти цифры выглядят по порядку от нуля до девяти так: ٠ ١ ٢ ٣ ٤ ٥ ٦ ٧ ٨ ٩.

³ Азан – призыв на пятикратную молитву, который читает нараспев специальный служитель мечети – муэдзин.

Литература

- Соколовский 2000 – Соколовский С.В. Вещность и власть в обыденном сознании (автоэтнографические этюды) // Этнометодология. Вып. 7. М.: Путь, 2000. С. 70–108.
- Ярлыкапов 1999 – Ярлыкапов А.А. Феномен "йинли молла" в духовной культуре ногайцев // "Избранники духов" – "Избравшие духов": традиционное шаманство и неошаманизм. Памяти В.Н. Басилова (1937–1998): Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 4. М.: ИЭА РАН, 1999. С. 277–286.